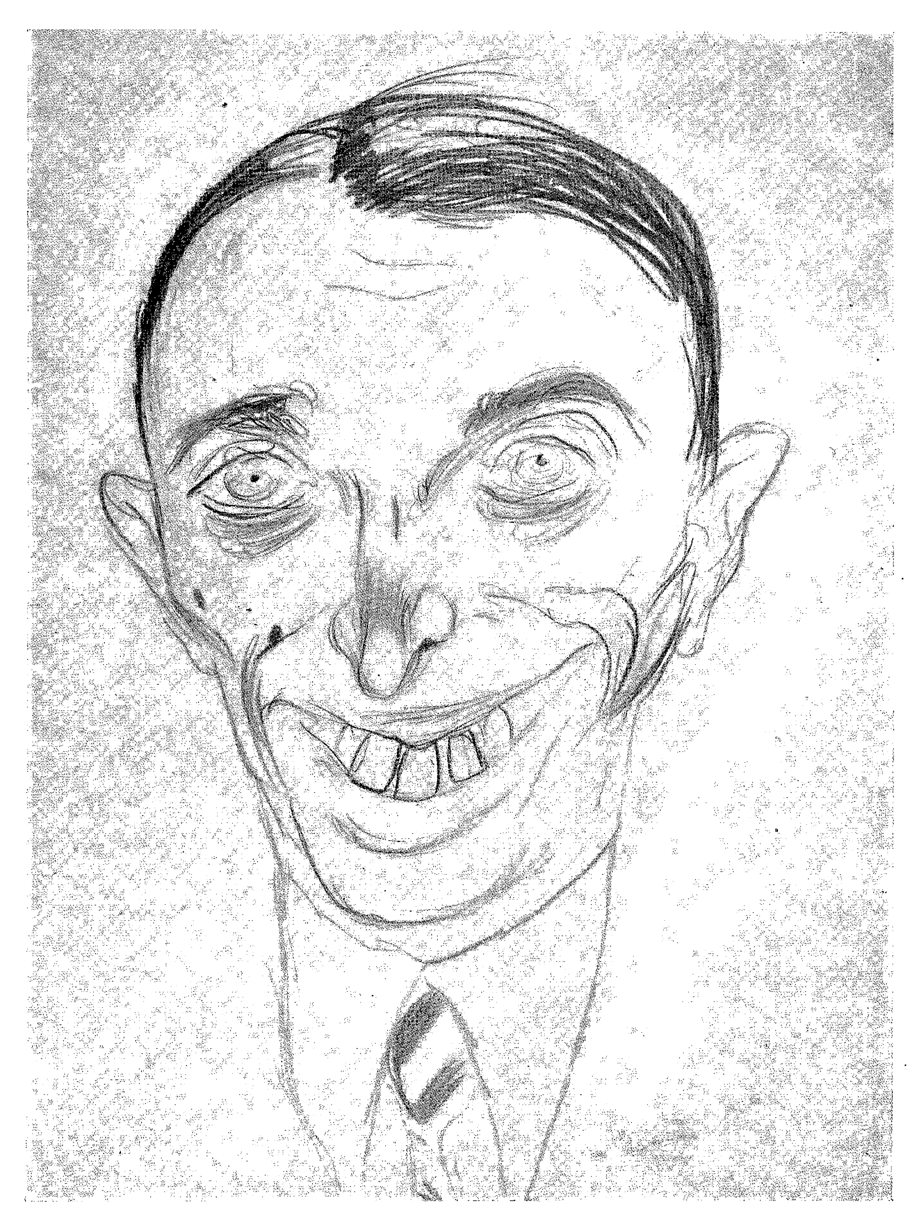

бабеле
гладкове
жарове
зориче
зощенко
инбер
клычкове
крест. поэте
луговском
никифорове
олеше
орешине
романове
радимове
светлове
сельвинском
третьякове
уткине
шкловском
архангельский • кукрыниксы
зиф • 1930

Дмитрию Стахеевичу Моору
с любовью
автор [illegible]

Кукрыниксы: [illegible]
[illegible]
[illegible]

Москва. 1931.

«Интернациональная» (39) типография «Мосполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3. Зак. 1347. Тираж 5.000.

александр архангельский

бабеле
гладкове
жарове
зориче
зощенко
инбер
клычкове
крест. поэте
луговском
никифорове
олеше
орешине
романове
радимове
светлове
сельвинском
третьякове
уткине
шкловском

О

бабеле
гладнове
жарове
зориче
зощенко
инбер
клычкове
крест. поэте
луговском
никифорове
олеше
орешине
романове
радимове
светлове
сельвинском
третьякове
уткине
шкловском

пародии а. архангельского

рисунки п. КУприянова, п. КРЫлова, НИК. Соколова.

земля и фабрика
москва — ленинград
1930

предисловие

Пародия — не низкий, недостойный, окололитературный жанр. Пародия — в области искусства. Разумеется, — если это настоящая пародия, автор которой интересуется духом писательского творчества, а не обмолвкой или опечаткой. Можно пародировать стилистику писателя, и можно пародировать стиль его. В первом случае пародия не весьма отличается от глумления и является орудием издевки. Во втором случае пародия соприкасается с критикой и перерастает в нее, являясь орудием перестройки литературы. Впрочем, большой пародист может раскрыть недостаток стилистики, как закономерность стиля того или иного писателя. Для этого от пародиста требуется высокий уровень культуры — и общей и литературной, для этого от пародиста требуется пафос литературной борьбы, для этого от пародиста требуется целеустремленность.

Обладает ли всем этим т. Архангельский?

Он один из заслуженно известных и наиболее популярных литературных пародистов. Книжку его пародий можно рекомендовать читателю. Но именно к н и ж к а показывает наиболее наглядно недостатки работы талантливого пародиста. Нет спору: в книжке много забавного, много и остроумного, много верных, а подчас и тонких, наблюдений над творчеством различных советских писателей. Очень хороши, например, пародии на Шкловского и Третьякова. «Ассоциативное» построение статей и заметок первого, где мы следим не столько за подчинением Шкловского скачкам своей мысли, сколько за претенциозным кокетничаньем надуманными переходами и логической распущенностью, долженствующей прикрывать неясность идей; абстрактная революционность второго, третьяковский холодок, неразрывно связанный с бравадой, не удающееся сочетание большевистской трезвости и страстности с американской деловитостью — это хорошо почувствовал и понял т. Архангельский.

Есть пародии безобидно развлекательные. Часть из них не выше, а то и ниже уровня критикуемого; они смешат, но сквозь смех здесь видно только подстегивание.

Есть пародии неудачные — с разных точек зрения и по-разному.

Неудачна, по-моему, пародия на крестьянского поэта. Шаблонно «литературные» подсмеивания над авансом и «рублем за строчку» делают пародию о т к р о в е н н о д е ш е в о й — с т. Архангельским это бывает не часто.

Злее должна была быть пародия на Клычкова. Ведь, вообще, советский пародист должен уметь обнажать классовую сущность буржуазных произведений, разоблачая низменную корыстность, скрывающуюся за той или иной высоко «идейной» завесой. Архангельский больше иронизирует над Клычковым, чем его саркастически бичует. И — зря!

Совсем мало удачна пародия на П. Романова. Здесь т. Архангельский своей пародией служит именно тому, что он хотел высмеять в писательском «оригинале». Он теряет чувство меры, и его пародия оказывается не средством требующегося воздействия на писателя, но чтивом, радующим потребителя «половой литературы».

Я больше остановился на недостатках т. Архангельского, чем на его достоинствах. Мне кажется, что т. Архангельский не всегда достаточно ответственно относится к тому жанру, в области которого он плодотворно и интересно работает. Не только его читатель, но и сам он должен считаться с тем, что пародия — товарищ и друг литературной критики.

Несколько слов о рисунках Кукрыниксов. Этот коллектив, состоящий из трех молодых художников, также широко известен — к сожалению, пока только преимущественно в литературных кругах. Но Кукрыниксы явно имеют право на большее внимание — многие отнюдь не легкомысленные люди начинают смотреть журнал «На литературном посту» с карикатур Кукрыниксов. Думается, что Кукрыниксы много могут сделать и в театре: у них не только много художественного чутья, но уже и много уменья и верная установка.

л. авербах

А. Курьков
Янино-12/V 34.

I. бабель

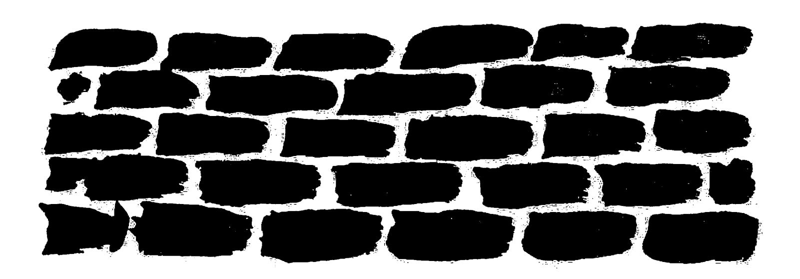
мой первый сценарий

Беня Крик, король Молдаванки, неиссякаемый налетчик, подошел к столу и посмотрел на меня. Он посмотрел на меня, и губы его зашевелились, как черви, раздавленные каблуками начдива восемь.
— Исаак, — сказал Беня, — ты очень грамотный и умеешь писать. Ты умеешь писать, об чем хочешь. Напиши, чтоб вся Одесса смеялась с меня в кинематографе.
— Беня, — ответил я, содрогаясь, — я написал за тебя много печатных листов, но, накажи меня бог, Беня, я не умею составить сценариев.
— Очкарь! — закричал Беня ослепительным шопотом и, вытащив неописуемый наган, помахал им. — Сделай мне одолжение, или я сделаю тебе неслыханную сцену!
— Беня, — ответил я, ликуя и содрогаясь, — не хватай меня за грудки, Беня. Я постараюсь сделать, об чем ты просишь.
— Хорошо, — пробормотал Беня и похлопал меня наганом по спине.
Он похлопал меня по спине, как хлопают жеребца на конюшне, и сунул наган в неописуемые складки своих несказанных штанов.
За окном, в незатейливом небе, сияло ликующее солнце. Оно сияло, как лысина утопленника, и, неописуемо задрожав, стремительно закатилось за невыносимый горизонт.
Чудовищные сумерки, как пальцы налетчика, зашарили по несказанной земле. Неисчерпаемая луна заерзала в ослепительном небе. Она заерзала, как зарезанная курица, и, ликуя и содрогаясь, застряла в частоколе блуждающих звезд.
— Исаак, — сказал Беня, — ты очень грамотный, и ты носишь очки. Ты носишь очки, и ты напишешь с меня сценарий. Но пускай его сделает только Эйзенштейн. Слышишь, Исаак?
— Хвороба мне на голову! — ответил я страшным голосом, ликуя и содрогаясь. — А если он не захочет? Он работает из жизни коров и быков, и он может не захотеть, Беня.
— ...в бога, печенку, селезенку! — закричал Беня с ужасным шопотом. — Не выводи меня из спокойствия, Исаак! Нехай он крутит коровам хвосты и гоняется за бугаями, но нехай он сделает с моей жизни картину, чтоб смеялась вся Одесса: и Фроим Грач, и Каплун, и Рувим Тартаковский, и Любка Шнейвейс.
За окном сияла неистощимая ночь. Она сияла, как тонзура, и на ее неописуемой спине сыпь чудовищных звезд напоминала веснушки на лице Афоньки Бида.
— Хорошо, — ответил я неслыханным голосом, ликуя и содрогаясь. — Хорошо, Беня. Я напишу с твоей жизни сценарий, и его накрутит Эйзенштейн.
И я пододвинул к себе стопу бумаги. Я пододвинул стопу бумаги, чистой, как слюна новорожденного, и в невообразимом молчании принялся водить стремительным пером.
Беня Крик, как ликующий слепоглухонемой, с благоговением смотрел на мои пальцы. Он смотрел на мои пальцы, шелестящие в лучах необузданного заката, вопиющего, как помидор, раздавленный неслыханным каблуком начдива десять.

2 . гладков

главцемент

I

брачная неувязка

Как и тогда, булькотело и дышало нутряными вздохами море, голубели заводские трубы, в недрах дымились горы, но не грохотали цилиндры печей, не барахолили бремсберги и в каменоломнях и железо-бетонных корпусах шлендрали свиньи, куры, козы и прочая мелкобуржуазная живность.

Глеб Чумалов вернулся к своему опустевшему гнезду, на приступочках которого стояла жена Даша и шкарабала себя книгой «Женщина и социализм» сочинения Августа Бебеля.

У Глеба задрожали поджилки, и сердце застукотело дизелем. Рванулся к ней.

— Даша! Жена моя!

Обхватил могучей обхваткой так, что у нее хрустнули позвонки, и с изумлением воскликнул:

— Дашок! Шмара моя красноголовая! Да ты, никак, дышишь не той ноздрей?

Ответила строго, организованно:

— Да, товарищ Глеб. Ты же видишь, я — раскрепощенная женщина-работница, и завтра чуть свет командируюсь лицом к деревне по женской части. Успокой свои нервы. Не тачай горячку. Заткнись.

Глеб вздохнул тяжелым нутряным вздохом. Натужливо хмыкнул от удивления.
—Шуганула ты меня, Дашок, на высокий градус, так, что и крыть нечем. Ну, что ж, займусь восстановлением завода на полный ход.

II

блатная музыка

Бузотерили и матюгались слесаря, бондаря, кузнецы и электрики. Балабонили всем гамузом, дышали нутряными вздохами и разлагались на мелкобуржуазные элементы.
Глеб сорвал с головы свой геройский шлем и шваркнул им оземь. Крикнул громовым голосом:
— Братва! Как я есть красный боец гражданского фронта и стою на стреме интересов цементного производства, то буду вас крыть, дорогие товарищи, по чем зря, будь вы четырежды четыре анафема прокляты, шкурники и брандахлысты. Правильно я кумекаю, шпана куриная?
Словно ток с электропередачи прошел по сердцам бондарей, слесарей, кузнецов и электриков. Единогласно, коллективно воскликнули:
— Верно, ядри твою корень!
— Фартовый парень, едят его мухи с комарами!
— Свой в доску!
— Дрызгай на все на рупь на двадцать!
— Крой дело на попа!
Глеб вздохнул радостным нутряным вздохом. Громогласно воскликнул:
— Братва! Дербанем производство за жабры! Треснем, а завод чекалдыкнем!

III

за работой

На высокий градус вскипели дни. Глеб, как скаженный, мотался из завкома в исполком, из исполкома в совнархоз, из совнархоза в госплан, из госплана в СТО.
Грохотал в завкоме:
— Грохайте хабардой, дорогие друзья! Не то живо к стенке поставлю!
Громыхал в исполкоме:
— Не балабоньте, глотыри, так вашу раз-этак!
Буркотел в совнархозе:
— Пришью вас к стенке, куклы полосатые!
Ободрял, подначивал, брякал по башкам, чебурахал по затылкам, дрязгал по хайлам и в конце концов добился своего.
Задымились голубые трубы, застукотели маховики, забарахолили цилиндры печей, загрохотали бремсберги, и колеса электропередачи закружились в разных пересечениях, наклонениях, спряжениях, числах и падежах.

IV

апофеоз

Наверху, на ажурной вышке, стоял Глеб, а внизу — в недрах и на склонах, в ущельях — и под несметные толпы толп, чествуя самоотверженного бойца за цементное дело, копошились, булькотели, шваркали, бумкали, полыхали плакатами и знаменами, издавая восторженные нутряные гулы, под звон колоколов духового оркестра в двадцать два человека с барабанщиком.

МАГДАЛИНА

З. Жаров

МАГДАЛИНІАДА

Мне снится, снится,
Мне снится чюдный сон —
Шикарная девица
Евангельских времен.
Не женщина — малина,
Шедевр на полотне —
Марюся Магдалина,
Раздетая вполне.
Мой помутился разум,
И я, впадая в транс,
Спел под гармонь с экстазом
Чювствительный романс.
Пускай тебя нахалы
Ругают, не любя, —
Марюся из Магдалы,
Я втюрился в тебя!
Умчимся, дорогая
Любовница моя,
Туда, где жизнь другая, —
В советские края.
И там, в стране мятежной,
Сгибая дивный стан,
Научишь страсти нежной
Рабочих и крестьян.
И там, под громы маршей,
В сиянье чюдном дня,
Отличной секретаршей
Ты будешь у меня.
Любовь пронзает пятки.
Я страстью весь вскипел.
Братишечки! Ребятки!
Я прямо опюпел!
Я, словно сахар, таю,
Свой юный пыл кляня...
Ах, что же я болтаю!
Держите вы меня!

4 . зорич

поясница

ОнуфрийКочерга,девяностолетнийстарец,старик,дед,крестьянин,старожилселаПоро-
сячьиХвосты,отстоящегоотуездиогоцентранарасстояниитридцативерстсгаком,про-
снулсяотневыносимой,нестерпимой,нудной,ноющейикрайнемучительнойломотывпо-
яснице,итаккаконуюпоясницунетолькоиломило,новнейвдобавокктомужестреляло,то
оныйКочерга,прозванныйзасвоюнечесануюбородатостьархиереем,счелнужным,
кряхтя,сопяибормочаподпохожийнавыпеченнуювзолекартошкунос,реагироватьпасто-
льнежелательное,недопустимоеитяжкоесостояниеиотправитьсяввышеупомяпутый
центр,вбольницу,находящуюсявведенииуздравотделаипомещающуюсянабазарнойпло-
щадиимениМеждународногоженскогодпявосьмогомарта,возлебудки,гдепродаются
пироги●
Вбольнице,втемном,замызганном,заплеванном,зашарканномсапогами,валенками,
лаптями,калошамикоридорчике,Кочергувстретиланекаяостроносая,сплутовскими,по-
мышниномубегающимиглазками,личность,встаром,явнокоричневом,крайнепоношен-
номпиджачишке,заявившая,чтоготоваоказатьпомочь,ежелибудетмагарыч,начтоОну-
фрийКочерга,кряхтя,охаяишморгаяносом,заметил,чтопоясницу,повсейвероятности,
ломиткдождю,ачтожекасаетсямагарыча,тоон,Кочерга,порядкизнаетибудетжалиться
нафершалей,каковыепросятденьгизабесплатноелечение,иотправитсявгубернию,кса-
момупрокурору,чтобывывеститакихшкодливыхлекарейпасвежуюводу●
Когдаследователь,молодой,ностарый,отзывчивый,чуткий,внимательный,непьющий
инекурящийнартиец,вызвалнадопросфельдшераСеменаЛукича,последнийпоказал,что
повсейсовокупностифактоввидимо:туткто-тонадурил,ибоонделосвоезнаетиоблегчает
страждущих,ночтоунегостраждущие—скоты,ибоонфельдшерветеринарныйиобязан
лечитьхудобу,нонелюдей,итакогопациентасродуневидал,апосемусчитаетпредъявление
статьи114-йнедоразумением,ибоон,фельдшер,хотяиветеринарный,новполнесознатель-
ныйиникакихвзятокдажеборзымищенкаминебралинеберет●

5. зощенко

случай в бане

Вот, братцы мои, гражданочки, какая со мной хреновина вышла. Прямо помереть со смеху.

Сижу это я, значит, и в роде как будто смешной рассказ сочиняю. Про утопленника.

А жена говорит:

— Что это, — говорит, — елки-палки, у тебя, между прочим, лицо индиферентное? Сходил бы, — говорит, — в баньку. Помылся.

А я говорю:

— Что ж, — говорю, — схожу. Помоюсь.

И пошел.

И что ж вы, братцы мои, гражданочки, думаете? Не успел это я мочалкой, извините за выражение, спину намылить, слышу — караул кричат.

«Никак, — думаю, — кто мылом подавился или кипятком ошпарился?»

А из предбанника, между прочим, человечек выскакивает. Голый. На бороде номерок болтается. Караул кричит.

Мы, конечно, к нему. «В чем дело?—спрашиваем.—Что,—спрашиваем,—случилось?»

А человек бородой трясет и руками размахивает.

— Караул, — кричит, — у меня пуп сперли!

И действительно. Смотрим, у него вместо пупа — голое место.

Ну, тут, конечно, решили народ обыскать. А голых обыскивать, конечно, плевое дело. Ежели спер что, в рот, конечно, не спрячешь.

Обыскивают. Гляжу, ко мне очередь подходит. А я, как на грех, намылился весь.

— А ну, — говорят, — гражданин, смойтесь.

А я говорю:

— Смыться, — говорю, — можно. С мылом, — говорю, — в подштанники не полезешь. А только, — говорю, — напрасно себя утруждаете. Я, — говорю, — ихнего пупа не брал. У меня, — говорю, — свой есть.

— А это, — говорит, — посмотрим.

Ну, смылся я. Гляжу, — мать честная! Да, никак, у меня два пупа!

Человечек, конечно, в амбицию.

— Довольно, — кричит, — с вашей стороны нахально у трудящихся пупы красть! За что, — кричит, — боролись?

А я говорю:

— Очень, — говорю, — мне ваш пуп нужен. Можете, — говорю, — им подавиться. Не в пупе, — говорю, — счастье.

Швырнул это я, значит, пуп и домой пошел. А по дороге расстроился.

«А вдруг, — думаю, — я пупы перепутал? Вместо чужого свой отдал?»

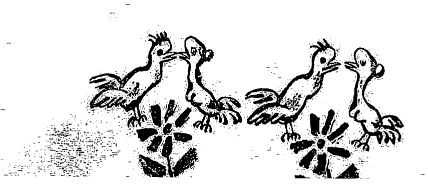
Хотел было обратно вернуться, да плюнул.

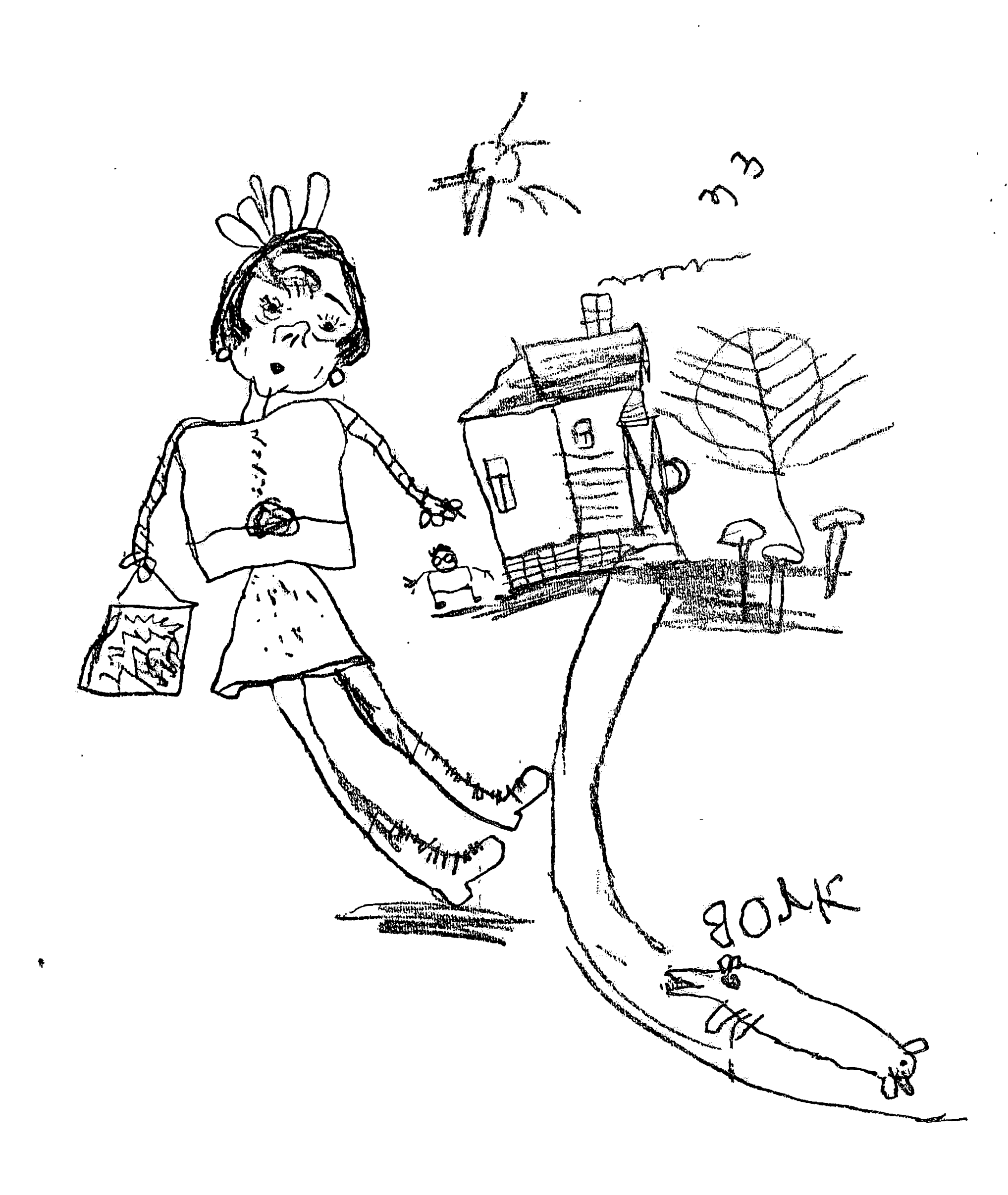
«Шут, — думаю, — с ним. Пущай пользуется. Может, у него еще что сопрут, а я отвечай!»

Братцы мои! Дорогие читатели! Уважаемые подписчики!

Никакого такого случая со мной не было. Все это я из головы выдумал. Я и в баню сроду не хожу. А сочинил я для того, чтоб вас посмешить. Чтоб вы животики надорвали.

Не смешно, говорите? А мне наплевать!

ВОЛК

6 . вера инбер

о красной шапочке

У Красной Шапочки
Не ножки, а ноженьки,
Не ручки, а лапочки
Беленькой коженьки.

На щечечке ямочка,
Ротик малюсенький.
Шапочку мамочка
Послала к бабусеньке.

Отправилась душечка,
Крошка Манюнечка.
В лесу—избушечка,
В избушке—бабунечка.

«Бон жур, бабусенька!
Отчего твои глазики
Такие круглюсенькие,
Как медные тазики?

Почему твоя рученька
Длинная, длинная?..»
Бедная внученька,
Крошка невинная!

Волк отвратительный,
Сцапав в охапочку,
Скушал решительно
Красную Шапочку.

Деточки-крошечки,
Мальчики, девочки,
Милые кошечки—
Верочки, Севочки!

Вы слышали драмочку
Про Красную Шапочку.

Слушайтесь мамочку

Слушайтесь папочку

7 . клычков

клычкухинский чертякирь

Эх, теперь не те времена, что допрежь были. Теперь народ образованный, па лисапетах ездит, друг дружку по проволоке за тридевять земель словогонами хает. А чтоб с чортом за ручку поздоровкаться, али домового со днем ангела поздравить — и думать не моги. Гордый нынче народ пошел, едят его мухи с комарами!
А ежели раскумекать, так нешто без чертей жить можно? Лешогоны, да оборотни, да русалки для нашего брата, клычкухинского писателя, самое что ни на есть разлюбезное дело.
Выйдешь в ополночь на лесную прогалину — экая благодать! — зайчья на поляне скачет не разбери-бери. Почитай, тысчи полторы будет. Зайчихи, словно девки, хоровод водят, песни поют и калган нюхают.
А уж чертячины этой — видимо-невидимо — инда глаза свербят. А в ушах звон — то ли главчорт Анчутка соловьем причмокивает, то ли ведьма кукушкой кукует. Шут его разберет!
Конешно, городскому все черти на один лад. У городского глаз порченный и плоть пришибленная. Ан черти-то разные бывают. У иного бородка штопором, у иного хвост загогулиной. А бывают и такие — ни бороды, ни хвоста, кругл, как бабье колено. Одно слово... сунгуз.
Иной маловер усомнится и головой покачает. Дескать, мели, Емеля,— твоя неделя. А мне што. Пойди-ка, проверь! Окромя пней да шишек еловых ничего не увидишь. Потому черти народ дошлый. В городах, может, и есть, а, может, и нет. А в Клычкухине их тьма-тьмущая. И каждый мне сват и брат, и с каждым у меня разговор душевный.
Недаром и кличут меня по всей округе — клычкухинский чертякирь.

КРАСНАЯ НИВА

8 . крестьянский поэт

раздвоение

Помогите, братцы!
Больше нету мочи!
Я — полукрестьянин,
Я — полурабочий.

Справа — рожь густая,
Цветики, природа,
Слева — шум моторов,
Мощный гул завода.

Справа — посиделки,
Зов родной тальянки,
Слева — цех слесарный,
Домны и вагранки.

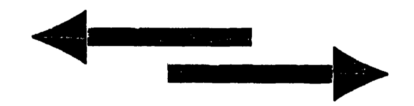
Разрываюсь, братцы,
На две половины:
Справа — сивый мерин,
Слева же — машины.

У меня ведь, братцы,
Нету милой Манны,
Сиротой расту я
Без родного Ванны.

Что мне делать, братцы?
Жизнь сечет крапивой.
За авансом, что ли,
Двинуть красной нивой?

Нива моя, нива,
Нива дорогая,
Почему с тобою
Не растет другая?

Я бы днем работал,
Я не спал бы ночку, —
Все стихи писал бы...
По рублю за строчку!

9 • луговской

сухожилие

Итак сочиняются ритмы и метры
Про ветры и гетры и снова про ветры.
Как ветер лечу я на броневике
С винтовкою, саблей и бомбой в руке
И голосом зычным поэмы слагаю
Назло юнкерью и назло Улагаю.
То ямбом, то дактилем, то анапестом,
Наотмашь, в клочья, с грохотом, треском.
От первой строки до последней строки
Ветер играет в четыре руки.
        Талант, говорят,
        Кентавр, говорят,
        Не глаза, говорят,
        Фонари горят.
Ветер крепчает. В груди весна.
Строфы разворочены. Мать честна!
        Эх, жить начеку
        Молодым парнишкой.
        Пулемет на боку,
        Маузер подмышкой.
        До чего ж я хорош —
        Молодой да быстрый.
        Под папахой вьется клеш,
        Да эх, конструктивистский.
Ветер, стой!
Смирно!
Равняйся!
На первый-второй
Рассчитайсь!
        Кончается строчка.
                Стоп!
                Точка!

Ю. НИКИФОРОВ

ЖЕНЩИНА И СОЦИАЛИЗМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Не знаю почему, но я родилась вполне сознательной женщиной. Уже в детстве я прочла «Капитал» Карла Маркса и почувствовала всю фальшь окружающей меня обстановки.

Моя мама умерла, а отец служил инженером в НКПС. Он был очень красивый жгучий брюнет, ежеминутно дергал себя за иос, ездил в казенном автомобиле и вскоре женился па другой женщине.

Ее звали Соньчик. Она была очень красивая шатенка и совращала меня в голом виде в буржуазную жизнь.

Но ее слова не находили в моей душе отклика. Я прекрасно знала, что путь женщины лежит в другую сторону. Я изучала Лассаля и Чехова, и мне было ясно, что мой отец — бездушный специалист.

И я начала работать в стенгазете, а потом подала заявление в комсомол, и райком меня утвердил.

Потом я узнала на практике, что приехал новый комиссар дороги — Никита, старый коммунист со старым партийным стажем, и обратил на меня внимание.

Я хотела броситься под поезд, потому что мой отец—гражданин Покровский—целовал комсомолку и вообще бабник, но поезд прошел другой стороной, и меня подобрал Саша Брякин — бригадир и беспартийный слесарь, который и расскажет подробности о моем женском пути.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Правильно! Зовут меня Александром Мокеичем Брякиным, и я есть бригадир и беспартийный слесарь, и хотя человек простой, рабочий, но мысли у меня идут по правильной дороге, особенно в рассуждении женской линии.

Когда приехала к нам Файка Покровская со своим папашей, то, осмотрев своими рабочими глазами со всех сторон, сказал я себе: хотя фигура у нее интеллигентная и красоты она неописуемой, но дух от нее идет наш, пролетарский.

А тут подвертывается товарищ мой Никита Шаронов с которым мы Перекоп брали, и вижу я, что у него в роде как замутнение насчет инженеровой дочки.

Хотел было я не допустить, но увидел собственноручно, как Файка папашу своего— инженера — кокнула по башке железным прутиком, отмежевалась, значит, и сразу мне в голову ударило, что с такой девкой Никите не пропасть. Идеология у нее выдержанная, и вообще не подгадит.

И заявил я Никите, что хотя пролетариату жениться не дозволяется, особенно когда мост не достроен, но в данный текущий момент дело ясное, и с моей стороны препятствий не имеется.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Итак — мой женский путь подходит к концу.

Я люблю Никиту.

За окном тихая, теплая погода. Сердце мое то сжимается, то расширяется. Да, я должна быть женщиной, но должна итти рука об руку и нога в ногу только с партийцем.

Я смотрю в окно и вижу его. Он идет по улице такой задумчивый, с таким старым партийным стажем — с тысяча восемьсот восемьдесят девятого года.

И я выскакиваю за ним. Я догоняю и перегоняю его, и он берет меня под руку.

Природа тиха и тепла. Сердце мое то расширяется, то сжимается.

— Никита! — кричу я, схватив его за руку. — Я здесь, Никита!

Никита молчит, но я знаю, что мы идем с ним рядом и будем итти прямо к социализму.

Ю. олеша

раскаянье

Директору треста пищевой промышленности, члену общества политкаторжан товарищу Б А Б И Ч Е В У.

А н д р е й П е т р о в и ч!

Несколько месяцев назад вы подобрали меня у порога пивной. Вы приютили меня в своей прекрасной квартире. На третьем этаже. С балконом.
Всякий на моем месте ответил бы вам благодарностью.
Я возненавидел вас. Я возненавидел вашу спину и нормально работающий кишечник, ваши синие подтяжки и перламутровую пуговицу трикотажных кальсон.
По вечерам вы работали. Вы изобретали необыкновенную чайную колбасу из телятины. Вы думали о снижении себестоимости обедов в четвертак. Вы не замечали меня.
Я лежал на вашем роскошном клеенчатом диване и завидовал вам. Я называл вас колбасником и обжорой, барином и чревоугодником.
Простите меня. Я беру свои слова обратно.
Кто я такой? Деклассированный интеллигент. Обыватель с невыдержанной идеологией. Мелкобуржуазная прослойка.
Меня бойкотируют вещи. Комната издевается надо мной. Стены награждают меня подзатыльниками, потолок — щелчками по макушке, пол — укусами в пятки.
Я плачу по утрам в клозете. Можете представить себе, до чего довела меня зависть, Андрей Петрович! Я раскаиваюсь. Я отмежовываюсь от вашего брата. Я больше не буду. Я постараюсь загладить свою вину.
У меня неплохие литературные способности. Дайте мне место на колбасной фабрике. Я хочу служить пролетариату. Я буду писать рекламные частушки о колбасе и носить образцы ее Соломону Шапиро.
Если вам нужны рекомендации, я представлю их. Меня хорошо знают Юрий Карлович Олеша и Димитрий Александрович Горбов.
Это письмо я пишу в пивной. В кружке пива отражается вселенная. На носу буфетчика движется спектральный анализ солнца. В моченом горохе плывут облака.
Андрей Петрович! Не оставьте меня без внимания. Окажите поддержку раскаявшемуся интеллигенту.

В ожидании вашего благоприятного ответа, остаюсь уважающий вас

НИКОЛАЙ КАВАЛЕРОВ.

P. S. Мой адрес: Здесь, вдове Аничке Прокопович — для меня.

Товарищу Бабичеву
Ссылка на меня гражданина Кавалерова — плод явного недоразумения
Рекомендации, о которой он упоминает в письме своем к вам, я дать не могу
Юрий Олеша — писатель

Подпись Олеши Юрия удостоверяю
[illegible] редакции [illegible]

12 . орешин

ржаная душа

Грудь моя ржаная,
Голос избяной.
Мать моя честная,
Весь я аржаной!
Лью ржаные слезы,
Утираю нос.
Синие березы!
Голубой овес!
Сяду я у речки,
Лягу у межи.
Милые овечки!
Васильки во ржи!
От тоски-злодейки
Где найду приют?
Пташки-канарейки
Жалобно поют.
Эх, сижу ль в избе я,
Выйду ль на гумно, —
Самому себе я
Надоел давно!

13 . романов

проблема пола

Когда профессор узнал, что жене известно, что он знает, что у нее семь любовников, он забеспокоился, чтоб она не подумала, что он из-за этого мучается и что ему нужно изложить ей свой взгляд на подобную ситуацию.

Отодвинув в сторону свой научный труд о половой жизни инфузорий, профессор прошел в спальню жены.

Жена лежала на кушетке в стыдливой позе, а вдоль стены, в порядке строгой очереди, как на приеме у врача, сидели все семь любовников.

— Извиняюсь,—сказал добродушно профессор, потирая лысину.—Ради бога, не подумайте, что я думаю, что это предосудительно. С точки зрения законов природы в этом нет ничего дурного. Только мораль рабов требует моногамии. Мы же, передовые, просвещенные интеллигенты, знаем, что любовь есть одна из естественных надобностей, которая...

Профессор говорил долго и умно, но вдруг ему пришла в голову мысль, что он пришел, в сущности, к занятым людям и мешает им. И он сконфузился и, чтобы не показаться бестактным и назойливым, участливо спросил:

— Не тяжела ли тебе такая нагрузка?

— Нет, милый,—целомудренно ответила жена,—ты же знаешь, что я—женщина, и душа у меня цветет.

Жена была очень целомудренна и не сказала, что у нее есть еще столько же любовников, чтобы оп пе подумал, что она какая-нибудь развратная.

— Ты—святая женщина,—сказал профессор растроганно.—Я, как передовой, просвещенный интеллигент, понимаю уклоны твоей души и осуждаю обывательскую мораль, которая...

Профессор опять говорил долго и умно, по вдруг ему пришла в голову мысль, что жена не только святая, но и передовая женщина, которая умеет сопрягать интересы своей личности с интересами коллектива.

И он подошел к жене и, целуя ее в лоб, ласково сказал:

— Ну, бог в помощь. Только не переутомляйся, пожалуйста!

«Старый чорт!—злобно подумала жена. — Долго ли ты будешь тут вертеться? » — а вслух сказала: — Какой ты умный и хороший! Ты действительно передовой, просвещенный интеллигент с широким кругозором.

Профессор повернулся, чтобы уйти, но вдруг ему пришла в голову мысль, что его уход может быть понят, как демонстрация мужа, ревнующего свою жену.

Чтоб доказать, что он, как передовой интеллигент и просвещенный половой человек, выше обывательской морали, он прошел в конец спальни и уселся на восьмом стуле, в позе человека, ожидающего своей очереди.

DIANA

14 . радимов

сморкание

Ныне, о муза, воспой иерея — отца Ипполита,
Поп знаменитый зело, первый в деревне сморкач.
Утром, восставши от сна, попадью на перине покинув,
На образа помолясь, выйдет сморкаться на двор.
Правую руку подняв, растопыривши веером пальцы,
Нос волосатый зажмет, голову набок склонив,
Левою свистнет ноздрей, а затем, пропустивши цезуру,
Правой ноздрею свистит, левою руку подняв.
Далее под носом он указательным пальцем проводит.
Эх, до чего ж хорошо! Так и сморкался б весь день.
Закукарекал петух, завизжали в грязи поросята,
Бык заревел, и в гробу перевернулся Гомер.

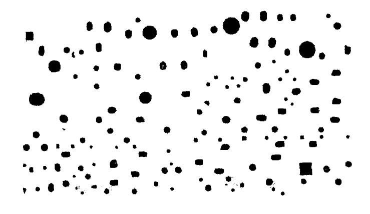

15 . светлов

лирический сон

Я видел сегодня
Лирический сон,
И сном этим странным
Весьма поражен.
Серьезное дело
Поручено мне:
Давлю сапогами
Клопов на стене.
Большая работа,
Высокая честь,
Когда под рукой
Насекомые есть.
Клопиные трупы
Усеяли пол.
Вдруг дверь отворилась,
И Гейне вошел.
Талантливый малый,
Немецкий поэт.
Вошел и сказал он:
— Светлову привет!
Я прыгнул с кровати
И шаркнул ногой:
— Садитесь, пожалуйста,
Мой дорогой!
Присядьте, прошу вас,
На эту тахту.
Стихи и поэмы
Сейчас вам прочту!..
Гляжу я на гостя, —
Он бел, как стена,
И с ужасом шепчет:
— Спасибо, не на...
Да, Гейне воскликнул:
— Товарищ Светлов!
Не надо, не надо,
Не надо стихов!

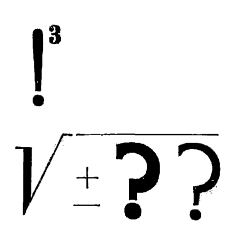

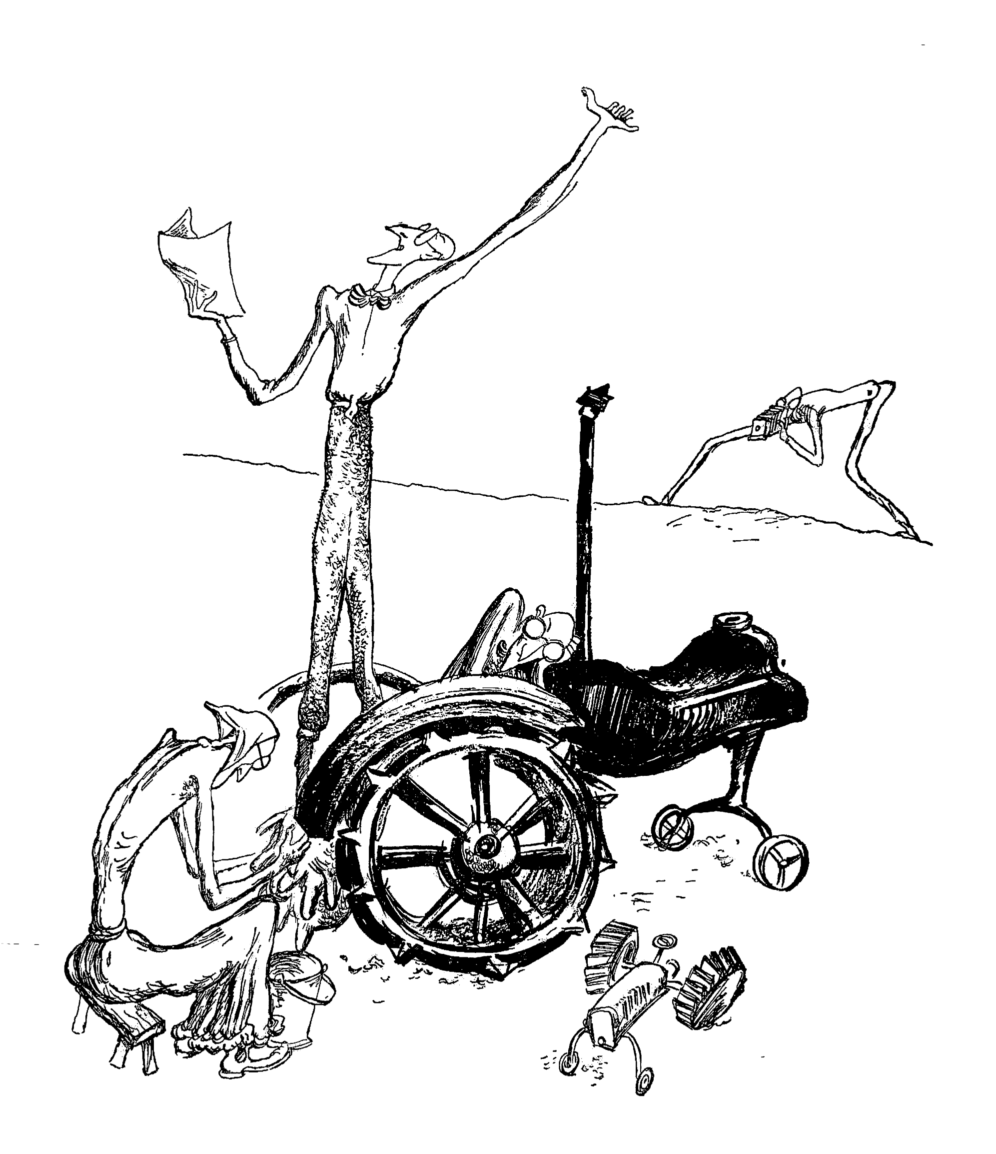

16 . сельвинский

йехали ды...

Йе́хали ды ко́нстры, йе́хали ды мо́нстры
Инберы-вынберы губы по чуба́м.
Йе́хали коло́пстры па лугу па вско́му
Выверчё́нным шляхом через Зиф в Госиздá́т.
А по-á-серё́дке батько Селэвыньский
В окуляры зиркает атамáн Илья —
Гей, ну-тэ, хло́пцы, а куды Зэлиньский,
А куды да куд-куды вин загинáе шлях!
Гáйда-адуйда, гэй-да, уля-лáй-дá
Барыса Агапáйда ды эл-цэ-кá,
Гэй вы, коняэги бизнесы Асмусы,
Ло́кали-за цо́кали-за го́-пá-кá!
Йе́хали ды ко́нстры, йе́хали ды мо́нстры,
А бузук Володьикá та зáдáл дрáн.
Шатали-си, мотáли-си, в сторону подáли-си,
Мурун-дук потылици и — о́йда в Рáпп!

17 . третьяков

рычи,
колхоз!

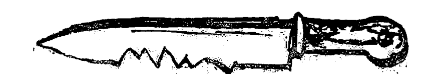
Напор
не ослабь.
Утрой
удар.
Вспашка
под зябь.
Ранний
пар.
Клади навоз
На советский воз.
На красном
пути,
Трактор,
пыхти.
Эй, буржуй,
Нас не пужай!
Мякину жуй.
Нам—урожай.
В стране
молодой
Удвой
удой.
Не бойся
угроз,
Рычи,
Колхоз!

18 . уткин

письмо из заграницы

Милое детство
бывает сто раз.
Молодость—
повторима.
ТЕТЯ!
Пишу письмецо для вас
Прямо из самого
Рима.
Рим—это, знаете, город такой,
Около города Пармы.
Здесь на базаре
не городовой,
А прямо-таки
жандармы.
Здесь хотя и фашистский режим
И угнетаемых скрежет,
Но, к сожалению,
чтоб я так жил,
Теток пока не режут.
Вы понимаете?
Что за страна!
Это же прямо слякоть!
Если тетина
Кровь мне нужна,
Что же—прикажете плакать?
ТЕТЯ!
Прошу не грозить мне тюрьмой
И не считать за невежу.
Вас я,
как только вернусь домой,
Честное слово
Дорежу!

19 . шкловский

сентиментальный монтаж

Я пишу сидя.
Для того, чтобы сесть, нужно согнуть ноги в коленях и наклонить туловище вперед.
Не каждый, умеющий садиться, умеет писать.
Садятся и па извозчика.
От Страстной до Арбата извозчик берет рубль.
Седок сердится.
Я тоже ворчу.
Седок нынче пошел не тот.
Но едем дальше.
Я очень сентиментален.
Люблю путешествовать.
Это потому, что я гениальнее самого себя.
Я обожаю автомобили.
Пеший автомобилю не товарищ.
Лондон славится туманами и автомобилями.
Кстати о брюках.
Брюки не должны иметь складок.
Так же, как полотно кино-экрана.
В кино важен не сценарист, не режиссер, не оператор, не актеры и не кино-механик,
а — я.
Вы меня еще спросите, что такое фабула?
Фабула не сюжет, и сюжет не фабула.
Сюжет можно наворачивать, разворачивать и поворачивать.
Кстати, поворачиваю дальше.
В Мурманске все мужчины ходят в штанах, потому что без штанов очень холодно.
Чтобы иметь штаны, нужно иметь деньги.
Деньги выдают кассиры.
Мой друг Рома Якобсон сказал мне:
— Если бы я не был филологом, я был бы кассиром.
Мы растрачиваем золото времени, накручивая кадры забракованного сценария.
Лев Толстой сказал мне:
— Если бы не было Платона Каратаева, я написал бы о тебе, Витя.
Толстой ходил босиком.
Босяки Горького вгрызаются в сюжет.
Госиздат грызет авторов.
Лошади кушают овес.
Волга впадает в Каспийское море.

вот

и

все